

Ирион Зет

**МЕЖДУ КРЫЛОМ
И ПЛАМЕНЕМ**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
3-58

Зет И.
3-58 Между крылом и пламенем / Ирион Зет – М.: Литнет, 2026. – 228 с.

ISBN 978-5-521-99369-7

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ
СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛО-
ГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОН-
НЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЁТ УСТАНОВЛЕН-
НУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.**

Я думала, сбежав с собственной свадьбы, что хуже быть не может. Пока не упала с неба в другой мир — в объятия крылатого воина с холодными глазами. А потом его повелитель — король-дракон — решил, что я его судьба. Я стала разменной монетой в их древней вражде. Но я не их игрушка. Я выжила в изменах, плену и чёрной магии. И теперь у меня двое: тот, кто нашёл меня, и тот, кто потерял и готов на всё, чтобы вернуть. Их любовь яростна и опасна, а моё сердце разрывается на части. Но чтобы выжить в этом мире магии и интриг, мне придётся выбрать... или не выбирать вовсе.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99369-7

© Литнет, 2026
© И. Зет, 2026

Глава 1

Ярославна

Я всегда думала, что в день свадьбы сердце будет биться от счастья. А оно билось от тревоги. Слишком громко, слишком часто, будто просило – беги. Я стояла среди гостей в арендованном особняке, в длинном белом платье с шелковым шлейфом и кружевами, и улыбалась. Все смеялись, чокались бокалами, играла скрипка. Воздух был насыщен запахом цветов и шампанского, но я не могла дышать. Паша – мой жених – исчез. Уже полчаса как.

– Ты его не видела? – спросила я у Наташи, одной из подружек невесты.

Она рассмеялась, легко, звонко, и тронула меня за плечо:

– Ну ты же знаешь Пашку, вечно пропадает. Может, нервы шалят. Пусть подышит.

Я кивнула, но что-то в ее взгляде было... скользкое. Как будто она прятала тайну. Я оставила бокал на подоконнике и вышла в коридор. Пустой. Тихий. За закрытыми дверями смех и музыка, а здесь – будто другой мир. Я шла по нему медленно, стараясь не обращать внимания, как стучат каблуки. Он не мог... Он не стал бы... Боже, только не сегодня.

Я прошла по лестнице на второй этаж, к гостевым комнатам. Двери были заперты. Кроме одной. Приоткрытой. Оттуда доносился ритмичный стук – глухой, влажный, и чье-то приглушенное дыхание. Я замерла. Подошла ближе. Сердце колотилось уже в горле, ладони вспотели. Толкнула дверь. И мир рухнул.

Паша. Мой жених. В свадебной рубашке, расстегнутой и сползшей с плеч. Его тело выгибалось, он двигался резкими толчками, вцепившись руками в бедра Вики. Моей свидетельницы. Подруги, с которой мы росли, учили уроки, делились секретами, примеряли

платья. Она закинув голову, стонала – громко, смачно, как в дешевом порно. Ее руки скользили по его спине, ногти оставляли алые полосы.

Я не дышала. Не могла. Все сузилось до их слипшихся тел и звука влажных ударов. Меня будто ударило по лицу.

– Паша... – сорвалось у меня.

Он вздрогнул, обернулся, и я увидела его лицо – не виноватое, не испуганное... раздраженное.

– Твою мать... Яра... – выдохнул он, но не остановился. Только замедлился.

Вика обернулась тоже – и... улыбнулась. Криво, самодовольно.

– Ну... теперь ты знаешь, – сказала она лениво, скользнув по мне взглядом. – Уж лучше я, чем кто-то левый, правда?

Я стояла на ковре, и кружево платья тяжело спадало с моих рук. Ни слез, ни крика. Пустота. Словно кто-то выдрал из груди сердце и оставил дыру.

Паша выдернул руку из ее волос, шагнул ко мне, натягивая штаны.

– Яра, подожди. Это... это ничего не значит. Просто... нервы, алкоголь... Ты же знаешь, я тебя люблю.

Он тянулся ко мне, но его пальцы будто проходили сквозь воздух. Сквозь меня.

– Не прикасайся, – прошептала я.

Он замер. Я развернулась и пошла прочь, шлейф платья скользил по полу, как след от ножа. Позади что-то сказала Вика, Паша кричал мне, но я не остановилась.

Я шла по коридору, по лестнице, сквозь смех, скрипку, цветы и шампанское, обрывая по дороге длинный подол платья. Схватила с вешалки свое пальто и сумочку с необходимым барахлом. Открыла дверь и вышла в ночь. Вот так началось мое бегство.

Ночь встретила меня тишиной и холодом. Двор был пуст, мокрый асфальт отсвечивал фонарями, а в воздухе висел запах роз из свадебных арок, сброшенных и увядших. Я шла быстро, потом бежала, пока не сбился ритм дыхания. Платье, музыка, люди – казалось, что это не было со мной.

Ноги сами привели меня на вокзал. Я стояла у окошка, где покупают билеты, не зная, что сказать. Покопавшись в сумочке достала карту с небольшими средствами на счете и просунула его в кассу.

– Куда билет? – спросила кассирша устало, не поднимая головы.

– Куда-нибудь, где нет людей, – сказала я. – К горам.

Она подняла на меня глаза – и почему-то кивнула, будто поняла.

Поезд шел всю ночь. Я сидела у окна, обняв колени, и смотрела, как темнота разрывается фонарями и снова сшивается. Город отступал, гас. С каждым стуком колес уходил кусок меня, и пустота внутри росла. Я закрывала глаза – и снова видела их тела. Как Паша выгибается над Викой. Как она улыбается мне, не останавливаясь.

Слезы не шли. Боль сжалась в маленькую твердую точку в груди. Где-то под утро уснула.

Вышла на крошечной станции. Горы поднимались прямо из облаков, острые, хищные, с белыми шапками снега. Воздух был другим – чистым, пронзительным, живым. Он обжигал легкие и пах хвоей. Я пошла по тропе. Камни хрустели под ногами, трава цеплялась за подол порванного платья. Солнце резало глаза, но внутри было пусто. Каждый шаг отдавался в теле, будто я срывала с себя кожу.

Я шла долго, все выше и выше. Холод будто чистил меня изнутри, вымывал остатки чувств. Внизу осталась жизнь, наверху было только небо и ветер. Пещера нашлась случайно. Узкий разлом в скале, скрытый между сосен. Я пролезла внутрь, зажигая фонарик на телефоне. Тьма сомкнулась вокруг, плотная, влажная, пахнущая сыростью и камнем. Почему я пошла именно сюда, я не знала, но что-то влекло дальше. Я шла, пока не оказалась в зале – огромном, как собор. И увидела чудо. Кристалл, почти с человеческий рост, сияющий мягким золотым светом. Он пульсировал, будто жилой, и свет тек по его граням, как кровь по венам.

Каждое биение отзывалось в моей груди, вытягивая наружу всю боль, весь яд. Я протянула руку. Мир вспыхнул. Взрыв света

сорвался, как крик. Воздух сжался в точку, землю унесло из-под ног. Я полетела в пустоту, как лист в буре. Тело выворачивало, кости пели от боли, но я не могла закричать – голос остался там, по ту сторону. А потом – тишина...

Я лежала на траве. Надо мной тянулось сиреневое небо, в нем медленно плавали облака, отливавшие розовым и золотым. Солнца было три – три шара, мягко греющих кожу. Воздух пах цветами и медом, сладко и пряно. Я медленно села. Травы шуршала под ладонями. Мои волосы рассыпались по плечам светлым водопадом, золотистым, как мед. Я коснулась их пальцами и вздрогнула – вчера они были темными. Кожа казалась тонкой и светящейся, как фарфор. Я не знала, кто я теперь. И где я. Вдалеке, за полем, поднимались башни – белые, тонкие, будто вырезанные из слоновой кости. Они светились под солнцами, как драгоценные камни.

Я попыталась встать, ноги подогнулись, и я рухнула обратно на траву, глядя в небо. И тогда я услышала это. Шорох. Сначала легкий, как шелест крыла бабочки. Потом – сильнее, ближе, мощнее. Воздух задрожал. Я подняла голову. Над полем скользила фигура. Мужчина. Высокий, стройный, с огромными белоснежными крыльями, распахнутыми за спиной. Они сияли, как живой свет. Его силуэт был резкий, хищный, прекрасный – будто выкованный из снега и солнца. Я затаила дыхание. Он спускался прямо ко мне.

Глава 2

Лиар

Я ненавижу эти выезды на границы. Патрулирование – дело для рядовых, не для капитана королевской гвардии. Но сегодня я сам вызвался. Любой предлог был хорош, чтобы сбежать из дворца. Сбежать от короля.

Дворец... Каменная ловушка, пропитанная запахом интриг, лести и вечного страха. Там каждый вздох взвешивали, каждое слово анализировали на предмет измены. А я был не просто стражем, я был украшением, живым символом верности, прикованным к трону своими же крыльями, своей родословной. Король смотрел на меня особым взглядом – недоверчивым и собственническим одновременно. Он даровал моей семье титулы, но эта милость оказалась удавкой на шее. Я был слишком заметен, слишком силен, и он этого не забывал ни на мгновение. Мой побег на границу был актом тихого, отчаянного неповиновения. Возможно, здесь, среди бескрайних лесов и пустынных скал, я снова смогу дышать полной грудью. Или хотя бы на мгновение забыть тяжесть королевского расположения.

Ветер бил мне в лицо, и я наслаждался его ледяной яростью. Мои крылья, мощные и привыкшие к долгим перелетам, ровно рассекали воздух. Каждый взмах был отточен годами тренировок и сражений, мышцы спины работали в идеальном ритме, несмотря на тяжелые латы. Внизу проплывали багряные кроны деревьев. Осень здесь, на окраинах, была по-настоящему дикой и огненной, не то что в придворных садах, где каждый лист подстригали до совершенства. Я летел низко, почти касаясь вершин, искал в этом однообразии утешение. И не находил. Мысли, от которых я бежал, настигали меня и здесь, высоко в небе. Лица павших подчиненных, холодная усмешка королевского фаворита, пустота в собствен-

ной опочивальне, где даже тишина казалась обвинением. Я мчался сквозь воздух, будто пытаясь оставить все это позади, но оно цеплялось за душу, как колючки репейника.

Внезапно воздух дрогнул. Словно сама ткань мироздания надорвалась с противным, рвущим слух хрустом. Это был не звук, а скорее ощущение – глухой удар в диафрагму, за которым последовала леденящая вибрация, пронизывающая каждую кость. Волоски на моих руках встали дыбом. Инстинктивно я сделал крутой вираж, почти на грани срыва в штопор, и рванул вверх, набирая высоту. Что бы это ни было, оно пахло бедой. Но не набегом разбойников или пробуждением лесного тролля. Это была чуждость, проникающая в самое нутро, нарушающая привычный порядок вещей. В ушах еще звенело, а в горле стоял привкус железа и статики.

Я увидел дым еще до того, как достиг поляны. Черный, едкий, он стелился по земле, но это был не дым от костра. В нем не было уюта древесного горения, он был тяжелым, маслянистым, словно состоял из теней. Пахло озоном, как после удара молнии, и расплавленным камнем – резким, горьким ароматом, знакомым по кузням, но здесь он был в тысячу раз сильнее. И еще чем-то... сладким и чужим, словно смесь меда, полыни и неведомых специй с далеких, не нанесенных на карты островов. Этот запах тревожил инстинкты, сигнализируя об опасности, которую разум еще не мог осознать.

Когда я спустился ниже, у меня перехватило дыхание. Посреди лесной чащи зияла черная рана – огромная воронка, из которой валил пар. Она была идеально круглой, будто вырезанной гигантским раскаленным ножом. Земля вокруг спеклась в стекловидную массу, местами еще красную от жара, пузырящуюся и потрескивающую. Деревья по краям не были повалены – они просто исчезли, испарились, оставив после себя лишь обугленные пеньки превращенные в черное стекло. В воздухе висело звенящее безмолвие – ни птиц, ни насекомых, только шипение остывающей породы. Я мягко приземлился на краю, сложив за спиной крылья, и осторожно ступил на хрустя-

щее под ногами стекло. Тепло, исходившее от земли, проникало сквозь подошвы сапог. И увидел ее.

В самом центре этого ада, свернувшись калачиком, лежала она. Хрупкое создание в лохмотьях жемчужного цвета, ткани которых переливались даже здесь, в этом мраке, отливая перламутром и серебром. Ее кожа была бледной, как у лесной нимфы – фарфоровой, почти прозрачной, сквозь которую угадывались тончайшие голубые прожилки.

А волосы... Ее волосы были подобны расплавленному золоту. Они рассыпались по черному стеклу, и этот контраст резал глаза. Казалось, они светились собственным мягким светом, противостоящим тьме воронки. Она была ранена. Из уголка губ текла тонкая струйка крови.

Я стоял, не двигаясь, пытаюсь осмыслить картину. Иномирянка. Слухи о таких вещах ходили в старинных хрониках, но я никогда... Никто из живых, кого я знал, не видел ничего подобного. Это были сказки, страшилки, метафоры. Сердце бешено заколотилось в груди от внезапно нахлынувшего, острого любопытства. Мой долг был ясен – немедленно доложить королю. Доставить девушку ему. Эта находка перевешивала любые патрули, любые отговорки. Он заполучил бы величайший трофей. Мысль была горькой, но логичной. Так меня учили. Такова была вся моя жизнь – долг превыше всего.

Но когда я сделал шаг вперед, она пошевелилась. Ее пальцы дернулись, слабый стон вырвался из груди – звук, полный такой нечеловеческой боли, что мороз пробежал по моей коже. И что-то во мне перевернулось. Она была так беззащитна. Так одинока в этом чужом, враждебном мире. Как я. Как я в своей позолоченной клетке, среди сотен придворных, где не мог доверять никому ни единой мысли.

Я рухнул на колени рядом с ней, не в силах дышать. Стекло хрустнуло и впилося в доспехи. Мои руки, эти руки, что держали меч

и лук, что убивали врагов королевства, что без колебаний выполняли любой приказ, вдруг задрожали. Я медленно, боясь сделать больно, прикоснулся к ее шее, ища пульс. Ее кожа пылала огнем, но внутри, под пальцами, чувствовалась дрожь, слабая и прерывистая, как у пойманной птицы. И в этот миг она открыла глаза. Темные, бездонные, полные паники и боли. В них не было ничего знакомого – ни человеческого, ни эльфийского, ни даже звериного. Это были глаза существа, вырванного из своей вселенной и брошенного в чуждую. Она что-то прошептала на незнакомом языке – слова звучали мелодично и странно, словно трель падающих капель или звон разбитого хрусталя. Ее взгляд метнулся по сторонам, не видя меня, не видя ничего, кроме внутреннего кошмара. Потом сознание снова оставило ее, и она обмякла в моих руках.

Я не думал. Я действовал, повинуюсь тому самому глухому импульсу, что заставил меня сегодня бежать из дворца. Сорвал с плеч свой теплый плащ из серого волчьего меха – простой, грубый, не королевский – и закутал ее в него, стараясь укрыть от надвигающегося вечернего холода и от чужих взглядов, будто они уже были здесь. Поднял ее на руки, прижал к груди. Ее золотая голова упала мне на плечо, волосы коснулись моей щеки – шелковые, невероятно мягкие и пахнущие дымом, озоном и чем-то незнакомым, цветочным, словно далекий сад, залитый двумя лунами. Расправил крылья оттолкнулся от земли. Мы взмыли в небо, оставляя позади черную воронку. Я летел быстро, огибая знакомые скалы, петляя между ущелий, направляясь к своему старому охотничьему домику на окраине леса, в глуши, куда даже королевские курьеры забредали редко. Не во дворец. Ни за что на свете я не отнес бы ее сейчас во дворец. Это решение родилось мгновенно и бесповоротно. Это было похищение. Измена. Предательство всего, чему я клялся служить. И в то же время – это было первое по-настоящему свободное решение за долгие годы.

Я смотрел на ее бледное, безжизненное лицо на моем плече